

Незабываемый АДС

Ю. Н. СМИРНОВ

Мой первый рабочий день в коллективе Андрея Дмитриевича Сахарова пришелся на 11 августа 1960 г., и я сразу же был ему представлен. В помещение, где я, вчерашний студент, находился в сопровождении Ю. Н. Бабаева и Ю. А. Трутнева – двух уже знакомых мне и, как оказалось, ближайших сотрудников Андрея Дмитриевича, как-то спокойно, по-домашнему вошел высокий, неполный, но далеко не спортивного телосложения, мягко улыбающийся человек. Это и был Андрей Дмитриевич, которого я увидел впервые. Темные, длинные, заметно редующие волосы, которые он поправлял набок, выразительный лоб, ясный, теплый взгляд, крупный нос. Доброе, не ахти как выбритое лицо. Привлекли внимание неторопливая, спокойная, грациозная речь и громкий для обычной беседы голос. Не было ничего, что поражало бы или вызывало волнение. Простенькая рубашка с короткими рукавами, без лоска, обычные брюки, поношенные, потерявшие вид туфли.

Необычной показалась только его манера говорить. Андрей Дмитриевич произносил каждое слово как бы с трогательной заботливостью, аккуратно выговаривая его. Формулируя мысль, он порой не договаривал какое-либо слово, прерывался и подбирал другое, более точное, не беспокоясь о внешнем изяществе речи. Во время дискуссии он не стремился «переговорить» собеседника. В его глазах читалось: мысль, которую он собирается сообщить, уже ясна ему, и остается найти подходящие слова для ее выражения. Поэтому известная пословица «Слово – не воробей: вылетит – не поймаешь» не имела к нему отношения. Андрей Дмитриевич никогда не разговаривал на повышенных тонах и не прибегал к жестикуляции. Для меня было неожиданностью, когда много лет спустя я вдруг увидел на трибуне депутата Сахарова, который с поднятыми руками и сжатыми в кулаки пальцами страстно обращался к аудитории...

Мы познакомились и вчетвером прошли в небольшой узкий кабинет Бабаева, уже тогда доктора технических наук. Хозяева, переговариваясь, уселись на диван, зачехленный белой материей, а я оказался напротив сидящих, у доски. Андрей Дмитриевич без всяких вступлений поинтересовался, знаю ли я, чем здесь зани-

А. Д. Сахаров (справа)

маются. Я сказал, что не имею представления. И тогда из уст Андрея Дмитриевича, все так же мягко улыбающегося и чуть откинувшего голову назад, я услышал: «Мы занимаемся разработкой атомного и термоядерного оружия». Неожиданные слова произвели на меня такое оглушающее впечатление, что я, не контролируя себя, выдохнул: «Ужасно...». Мне было неизвестно, что Андрей Дмитриевич, по его признанию, «обычно доставлял себе удовольствие рассказывать прибывшим в его распоряжение новичкам об устройстве атомных и термоядерных зарядов, наблюдая за их изумленными лицами...».

Пришлось услышать от молодых сотрудников и первые легенды об АДС, как мы между собой звали Сахарова. В частности, о том, как он в юности будто бы «стучался» в аспирантуру к Ландау, но тот не распознал таланта молодого физика. Как после первого испытания водородной бомбы, когда встал вопрос об избрании 32-летнего Андрея Дмитриевича сразу в академии, он будто бы просил сделать отсрочку для «усовершенствования своих познаний в физике...».

Для нас, молодежи, Андрей Дмитриевич Сахаров и Яков Борисович Зельдович были новым удивительным типом академиков. Своим демократизмом, отсутствием даже намека на какое-либо величие или начальственность, доступностью, а также каждодневными контактами они мгновенно разрушали традиционные университетские представления об академике, как объектах всеобщего почитания и поклонения. Более

«Красный дом». Здесь на 3-м этаже располагался первый кабинет А. Д. Сахарова. Сейчас это административное здание РФЯЦ-ВНИИЭФ

того, их творческая «кухня» была открыта для всех. Нормальным, обычным явлением были как дискуссия между ними, так и жаркий, на равных, спор у доски с любым из нас. Или же, например, знакомство по предложению самого Якова Борисовича с вычислениями или рукописью из его рабочей тетради. Мы знали, что Андрей Дмитриевич и Яков Борисович отказались от регулярных денежных премий по итогам работ и постоянно перечисляли их, как сказали бы теперь, на благотворительные цели. Наконец, невозможно даже представить, чтобы они высказали какое-то неудовольствие кому-либо из своих сотрудников или, не дай бог, устроили начальственный разнос. Атмосфера дружелюбия в коллективе была их заслугой, следствием внимания к нам с их стороны.

Андрея Дмитриевича, вышагивающего неспешной шлепающей походкой от проходной к нашему зданию, можно было заметить издали. Он обычно отпускал шофера, не заезжая на территорию. Осенью его долговязая фигура в простом длинном плаще или выдавшем виды пальто, в неизменной несуразной кепочке, была особенно приметна. При этом его галоши не всегда были признаком межсезонья. Он оправдывался, что подвержен простуде и, если не побережь ноги, сразу страдает горлом.

Мне довелось услышать следующий рассказ начальника караула нашей площадки С. А. Ахтямова, Героя Советского Союза, впоследствии полковника: «Андрей Дмитриевич в галошах мог появиться и в нормальную погоду... К витрине у проходной подойдет, постоит, посмотрит. Вижу – думает о чем-то. Еще не дошел

до кабинета, уже работает! Мы старались, чтобы таких людей, как Андрей Дмитриевич, солдат знал в лицо. Идет человек, мечтает! Понимаете? Такие ученые, как Сахаров, видимо, все время работают... Бывали случаи, например с Андреем Дмитриевичем, что вместо пропуска он мог вынуть какую-то бумажку или блокнотик. А солдат ему сразу: «Проходите, пожалуйста!».

Неторопливо направляясь к кабинету, Андрей Дмитриевич, как правило, вышагивал по коридору вблизи стены с отрешенным видом. После каждых двух-трех шагов он в такт слегка касался ее пальцами, как бы отмеряя какую-то заданную длину. Я никогда не видел, чтобы он нес к себе отчеты, бумаги и уж тем более опечатанный секретный чемоданчик, с получения которого для каждого из нас начинался рабочий день. И если Яков Борисович мог прийти на работу в аккуратном ладном костюме и даже иногда с одной Звездой Героя на лацкане пиджака (но никогда с двумя или тремя!), то Андрей Дмитриевич всегда выглядел буднично и не носил никакой атрибутики.

Не случайно с академиком, когда ему было чуть за тридцать, приключилась забавная история. Коттедж Андрея Дмитриевича находился в зеленой зоне на берегу не широкой живописной реки Сатис и соседствовал с небольшой лодочной станцией. Как-то Андрей Дмитриевич, отплыв от берега, положил весла на борт и сидел, задумавшись. В это время его окликнул с берега какой-то военный: «Эй, парень! Не перевезешь ли меня?!». Оказавшись на другом берегу, «пассажир» вручил «перевозчику» пятерку за услугу...

На юбилее Ю. Б. Харитона в 1964 г. на «капустнике» с полным правом звучала самодеятельная песенка на мотив популярной в те годы «Челиты»:

И кто в нашем крае
Андрея не знает?
Известен он всем и прекрасно!
Науки ему подвластны,
Решает задачи классно.
Он с Игорем Таммом
Трудился упрямо,
Вагоны бумаги марая,
Нуклоны сочетая,
Природу побеждая.
Аи, аи, аи, аи,
Ну что за ребята!
Других таких нигде не найдешь!
Дрожите, супостаты!

В. Г. Юферов, работавший на «объекте» начальником отдела снабжения, рассказал мне,

как вскоре после первого испытания водородной бомбы решили в связи с протечкой крыши в коттедже Андрея Дмитриевича капитально отремонтировать за счет «объекта» весь коттедж. Составили смету тысяч на девяносто и пришли к хозяину. «Согласен, но только за мой счет», – твердо сказал Андрей Дмитриевич. Так ничего и не смогли поделать. Пришлось ограничиться ремонтом крыши. (После испытания водородной бомбы Андрею Дмитриевичу построили в дар в живописном месте, на самом берегу Сатиса, большой двухэтажный кирпичный коттедж с мансардой. Но он отказался в него переехать. Какое-то время коттедж использовался под детский сад, пока ему не нашли другое применение).

В другой раз постарались помочь академику избавиться от старого, до неприличия заносенного пальто. Для этого Андрея Дмитриевича буквально затащили вечером в театр и, когда он уже собирался домой, пальто припрятали. Накинули на него чье-то чужое и усадили в машину. Убедив, что пальто, к которому он так привык, бесследно «исчезло», предложили выбрать любое другое прямо на складе. На следующий день Андрей Дмитриевич из всего разнообразия облюбовал и купил себе пальто дешевое и немодное, зато очень похожее на свое, прежнее... При беседах с Андреем Дмитриевичем обращала на себя внимание его интуиция. Один из сотрудников нашего коллектива, когда речь зашла о способности Андрея Дмитриевича предугадывать тот или иной результат, заметил: «В голове у АДС как бы специальное устройство. Оно "щелкает" иногда и, пожалуйста, – получайте готовый правильный ответ!».

Удивительно, но за время работы под началом Андрея Дмитриевича я видел у него, пожалуй, единственного, если можно так выразиться, официального ученика – адъюнкта одной из военных академий – капитана А. Кателкина, который под научным руководством Сахарова готовил диссертацию по «взрыволету», просчитывая возможность использования ядерных взрывов для движения межзвездных космических кораблей.

...Коснусь событий, связанных с разработкой и испытанием сверхмощного 100-мегатонного

А. Д. Сахаров с гостями

изделия (оно было испытано на пониженную вдвое мощность).

Андрей Дмитриевич, вернувшись с совещания и встречи с Н. С. Хрущевым 10 июля 1961 г. в Кремле, сообщил нам о принятом решении разработать изделие в 100 мегатонн. Даже в 50-мегатонном варианте его мощность была чудовищной и десятикратно превышала суммарную мощность всех взрывчатых веществ, использованных всеми воюющими сторонами за годы Второй мировой войны, включая атомные заряды, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки.

Ведущим это изделие, как выразился в «Воспоминаниях» А. Д. Сахаров, был назначен один из самых опытных сотрудников – Виктор Борисович Адамский, тогда еще кандидат физико-математических наук.

Непосредственными участниками стали наиболее авторитетные сотрудники Андрея Дмитриевича – Юрий Николаевич Бабаев и Юрий Алексеевич Трутнев. (Более того, в книге Ю. К. Завалишина «Объект 551» приводится документ, подписанный А. Д. Сахаровым, в котором говорится, что Ю. А. Трутнев «явился инициатором разработки» этого изделия).

Неожиданно для меня я также был подключен к этой работе.

С этого момента и до дня взрыва Виктор Борисович и я были на работе неразлучны. Все чаще и все дольше мы засиживались вдвоем в его небольшой комнате, занимаясь расчетами, пока, наконец, не стали задерживаться до полуночи. Эта работа сблизила нас на все последующие годы.

А. Д. Сахаров играет в шахматы

Все чаще стал заглядывать к нам Андрей Дмитриевич. Усаживался на стул, иногда, к моему удивлению, ловко обвивая одну свою ногу другой. В эти моменты непрерывного общения и обсуждения результатов стирались должностные и возрастные грани. Мы настолько увлекались (а времени оставалось все меньше и меньше!), что когда при каком-то волнующем и страстном обсуждении к нам заглянул Яков Борисович, Андрей Дмитриевич встал, подошел к Якову Борисовичу и дружески, мягко выпроводил его из комнаты.

Напряжение возрастало. Иногда невольно возникало естественное сомнение: не подведет ли изделие, не «откажет» ли оно в момент испытаний. Андрей Дмитриевич шутил: «Если мы не сделаем ЭТО, – пойдем строить железные дороги...». В другой раз, на заключительной стадии работ, когда стали раздаваться за рубежом протесты против объявленного Н. С. Хрущевым сверхмощного взрыва, он довольно спокойно рассуждал, что хотя в двух-трех наших посольствах в западных странах и могут выбить оконные стекла после взрыва, но дальше этого дело не пойдет.

Напряжение достигло апогея, когда изделие было отправлено в район испытаний. Следом 26 октября 1961 г. к месту, где происходила окончательная подготовка изделия и подвеска его в бомболук самолета-носителя, должны были выехать поездом В. Б. Адамский и я.

Время было спрессовано. В день отъезда я столкнулся с Андреем Дмитриевичем на лестнице и попросил подписать мое командировочное

задание. Он расписался тут же, не поднимаясь в кабинет. Пользуясь неофициальностью обстановки, я спросил, почему он так занятно расписывается, издали перечеркивая в своей фамилии палочку в букве «х». Андрей Дмитриевич ответил: «У меня примета: если удастся перечеркнуть палочку посередине – все будет удачно. Если нет – жди осложнений. Видите, как удачно получилось на сей раз: значит, изделие сработает успешно!».

В тот же день, к вечеру, когда мы с Виктором Борисовичем уже заняли свои места в вагоне и готовились к отъезду, в нашем купе неожиданно появились Ю. Н. Бабаев и Ю. А. Трутнев. Они сказа-

ли, что подъехали к поезду вместе с Андреем Дмитриевичем. Мы вышли из вагона. Недалеко от платформы стояла «Волга» Трутнева, в которой на переднем сидении нас поджидал Андрей Дмитриевич. Мы уселись все вместе, и началось необычное, но очень важное и срочное деловое совещание.

Упреждающее заявление Н. С. Хрущева на XXII съезде о предстоящем испытании с указанием сроков и ожидаемой мощности изделия было беспрецедентным. В сочетании с волновавшими нас техническими нюансами все это порождало естественное беспокойство за надежность опыта и вызывало дополнительное напряжение.

Приехавший Андрей Дмитриевич поделился свежей информацией, исходившей, по видимому, от высших инстанций. Она также касалась испытания нашего изделия, которое Андрей Дмитриевич считал «гвоздем программы». Насколько я его понял, проявилось, в частности, какое-то политиканство среди высшего генералитета.

По существу, перед нами возник драматический вопрос: не отменить ли в сложившейся ситуации само испытание. Мнения были выслушаны, никто не торопился. Виктор Борисович, который всегда отличался спокойствием, и на сей раз был невозмутим: «Я уверен в надежности изделия. Все надежно...».

Тем временем поезд стоял. Наше совещание завершилось. Было решено ничего не менять. Андрей Дмитриевич пожелал успеха и сказал, что остается на «объекте». Утром следующего

дня самолетом должны были вылететь в Москву Бабаев и Трутнев с тем, чтобы из Москвы выехать поездом вместе с нами в Оленью – к месту окончательной подготовки изделия к испытанию.

...30 октября 1961 г. в 11 часов 33 минуты сверхбомба была взорвана на большой высоте, показав проектную мощность – 50 мегатонн. Мощность, которая с учетом тенденции мирового развития вряд ли когда-нибудь и где-либо на Земле будет превзойдена.

Через несколько часов после испытания нам по ВЧ-связи позвонил Андрей Дмитриевич и мы поздравили друг друга с успехом.

...Когда я вернулся домой, мои старшие коллеги, включая Виктора Борисовича, еще были в разъездах. Время поджимало, и Андрей Дмитриевич попросил меня срочно подготовить заключительный отчет по результатам испытаний. Работа была выполнена, и я зашел к нему. Андрей Дмитриевич стал внимательно, страница за страницей, читать рукописный текст. Раздался телефонный звонок. Отвечая на чьи-то вопросы, он сказал, что в 1953 и 1956 г. после испытаний термоядерного оружия ему дважды было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Я понял, что готовится представление к награждению Андрея Дмитриевича третьей золотой Звездой Героя. Закончив чтение черновика и не сделав ни единого исправления по тексту,

Андрей Дмитриевич, подумав, дописал в конце короткое предложение: «Успешное испытание заряда... доказало возможность конструировать на этом принципе заряды неограниченной мощности». И «благословил» рукопись для дальнейшего оформления.

Примерно в то же время я случайно увидел знак, как бы предвосхищавший поворот в судьбе Андрея Дмитриевича. Я помню удивление, которое испытал, когда, находясь в его кабинете, прочитал несколько стихотворных строк, явно сочиненных им и записанных его рукой на открытом листке перекидного календаря. Невольно они навели меня на мысль о некоем кризисе, происходившем в душе Андрея Дмитриевича. Вряд ли моя память за прошедшие долгие годы безупречно сохранила неожиданную стихотворную импровизацию. Но будоражащий смысл и неожиданность оригинала врезались навсегда:

Сын у мамы вопрошает:

– Что такое А.Д.С.?

Сыну мама отвечает:

– Тут, увы, не без чудес!

Если буквы переставишь,
То получишь слово «САД».

Но без «С» ты прочитаешь,

Очевидно, слово «АД».

...Андрей Дмитриевич оставил глубокий след в памяти многих людей и особенно у своих сотрудников. Для нас, его бывших коллег, он, прежде всего, олицетворение невероятно редкого таланта. Ведь даже сквозь деловой стиль рекомендации, подписанной 15 сентября 1953 г. Курчатовым, Харитоновым и Зельдовичем и адресованной в Академию наук для избрания Сахарова в ее действительные члены, просматривается изумление перед уникальным дарованием Андрея Дмитриевича: «Андрей Дмитриевич Сахаров является необычайно одаренным физиком-теоретиком и в то же время замечательным изобретателем. Соединение в одном лице инициативы и целеустремленности изобретателя с глубиной научного анализа привело к тому, что в короткий срок, за 6 лет, А. Д. Сахаров достиг крупнейших результатов, поставивших его на первое место в Советском Союзе и во всем мире в важнейшей области физики».

Е. Г. Боннэр, А. Д. Сахаров, Исайя Берлин и его жена Алина в Оксфорде после вручения докторской мантии

СМИРНОВ Юрий Николаевич